

БОЛЬ, ПЕЧАЛЬ И... ЛЮБОВЬ

Всегда с удовольствием навожу порядок в книжном шкафу. Это не только любимое занятие, но ещё и необходимость. Полки постепенно заставляются новыми книгами. А то, что было когда-то читано-перечитано, перемещается на задние рядки и оказывается забытым. Впрочем, не навсегда, а до поры...

Как-то, перебирая книги, я извлекла из дальнего закутка потёртое от времени издание в бледно-сером переплёте. И вдруг ощутила нечто, подобное тому, когда мелодия или запах духов неожиданно напоминают нам о ком-то или о чём-то. И возвращают туда, где мы испытывали сильные чувства, где однажды в нас запало то, что со временем даст толчок воспоминаниям. Я держала книгу в руках и мысленно уносилась в прошлое, в дом человека, который оставил след в моей жизни.

Её звали Рут. Перед второй мировой войной, когда Европу захлестнули еврейские погромы, когда фашизм набирал обороты, евреи стали спешно покидать родные места и уезжать подальше от преследований. Рут вместе с мужем и маленькой дочкой добралась до Украины. Другая страна, другой язык... Пусть он, как и польский, одной славянской группы, но чужой. А ей, школьной учительнице, знать его надо так же, как и родной. Правда, родным она всегда считала идиш, но здесь он не в ходу. Украинский и русский осваивала днями и ночами. Уже могла вести уроки, привыкала к новой жизни, строила планы... Но лето сорок первого начисто перекроило их – началась война с фашистской Германией. И снова пришлось бежать. Теперь – в Среднюю Азию. Входить в новую жизнь было непросто. Чтобы работать в начальной школе, пришлось учить ещё и узбекский язык. Трудно было. Но она искала и находила пути к сердцам ребят. Уроки превращала в маленькие спектакли или в игры. Детям это нравилось, они полюбили свою учительницу. Сама же она никогда не переставала учиться у человека, который когда-то помог ей поверить в силу добра, в силу слова...

Я открываю книгу в бледно-сером переплёте и читаю дарственную надпись: «Той, которая любит детей, от той, которая их очень любит. Маргалит. Хайфа». Слово «Хайфа» написано на иврите. Не трудно догадаться, что автору дарственной надписи иврит был родней, чем русский язык. Потому что в четырёх коротких строчках – пять ошибок. Примерно такие же допускала в своей русской речи и сама Рут. Смотрю на год издания. 1965-ый. Если бы книга эта попала ко мне случайно, то я никогда бы не узнала, кому именно она была подарена, и кто так бережно хранил её почти полвека.

* * *

... Однажды в моей квартире раздался телефонный звонок.

– Я тут вещи мамы разбираю, – сказала мне Эмма. – Добралась, наконец, до библиотеки и нашла несколько книг на русском языке. Подумала, что ты не откажешься взять их себе. На память...

Аккуратно сложенная небольшая стопка книг уже ждала меня. Это были двухтомник о жизни Бен-Гуриона, собрание сочинений Максима Горького, избранные стихи и поэмы М.Ю. Лермонтова.

– А вот этой книгой мама особенно дорожила. – Эмма взяла в руки бледно-серый томик, прижала его к себе. Задумалась. Видно, вспоминала что-то. А потом, помолчав, сказала, – в отличие от моей сестры, которая родилась в Польше и жила в России, я не знаю русского языка. Впрочем, как и многие, родившиеся здесь, в Израиле. Так пусть эта книга будет у тебя.

С Эммой мы общаемся на иврите. Но я чувствую, что чего-то она не договаривает и принимаю томик, как некую тайну, которую надёжно хранили то ли в сердце, то ли в ларце. И вот сердце остановилось, а ключ от ларца спрятан или потерян.

Я знала, что в последние годы Рут много писала. Какие её мысли укладывались в объёмистые тетради? Что хотела она оставить в наследство своим детям, внукам, правнукам? Как-то она мне сказала, что завещает их прочитать после своей смерти.

Не догадываясь, о чём умолчала Эмма, передавая мне книгу, я спросила:

– Скажи, ты нашла мамины тетради? Я знаю, что она прятала их вот в этом зеркальном шкафу.

Эмма удивилась:

– Тебе что-то известно о них?

– Только то, что она их писала для вас, своих детей. Но о чём, мне не известно.

Тут Эмма пристально посмотрела мне в глаза и сказала, что в одном из своих писем Рут просит передать эту книгу мне. Но зачем? Книга как книга... Разные вопросы теснились в голове, но ответа я не находила. Видно, моя собеседница всё-таки что-то не договаривала.

– погоди, погоди, Эмма. Подумай, может, с этой книгой или с её автором было связано что-то очень важное для мамы?

Эмма вновь погрузилась в свои мысли и после затянувшейся паузы, которую я не решалась прервать, сказала:

– О, это довольно странная история, и о ней мама никому, кроме меня, не рассказывала. Думаю, она мучила её всю жизнь. Присядем. – Эмма придвинула кресла к столику. – Сейчас я, кажется, начинаю понимать, почему мама хотела, чтобы после её смерти книгу я передала тебе...

– Почему?

– Видно, пришло время рассказать историю, которая может стать, в некотором смысле, поучительной. Историю, которая и связала маму с автором этой книги.

– Януш Корчак. Что, Рут была знакома с ним?

– Случилось это, когда мама была совсем ещё юной...

* * *

... Рут в слезах вбежала в свою комнату и, хлопнув дверь, упала на кровать. Зарывшись в подушку, она плакала, подавляя рыдания. Тяжёлая волна обиды захлестнула её. Дышать становилось всё труднее, сердце посылало гулкие удары, болью отдающиеся в висках. Рут не могла разобраться в своих чувствах: то ли это была ревность, то ли просто уязвлённое самолюбие... «Всё равно нет, нет тебе прощения!» – стучала назойливая мысль. Она встала, подобрала с пола скомканное письмо своей лучшей подруги и перечитала: «Ты слепа, Рут, – писала Сабина. – Войтек тебя не любит. А у нас с ним близкие отношения...».

Дрожащими от волнения руками она нервно перелистала альбом и нашла то, что искала. С фотографии, аккуратно вставленной в дугообразные уголки, на неё смотрел Войтек. Пухлые губы, тронутые лёгкой улыбкой, ямочки на щеках, мягкий взгляд придавали почти ещё детскому лицу выражение истомы и нежности. «Предатель! – в сердцах произнесла Рут. Она вытащила из креплений фотографию, пробежала глазами по строчкам на обороте, выведенным красивым почерком: «Милой Рут от того, кто помнит о ней всегда. Войтек». – И это так ты помнишь обо мне? Лживые твои глаза...».

Острые ножницы безжалостно проткнули фотографию. «Вот так-то лучше», – подумала Рут. Теперь на лице вместо глаз зияли дыры. Но уже в следующую минуту ей стало жутко. Она не могла смотреть на то, что сотворила. Взяла конверт, вложила в него фотографию, написала адрес и выбежала из дома.

Через несколько дней по городку разнеслась весть о самоубийстве Войтека. Рут узнала об этом от своего отца. Его, известного в округе врача, вызвали на место происшествия, но было поздно. Парня вынули из петли, когда сердце его уже не билось...

Рут казалось, что и сама она умерла вместе с Войтеком. И только сильное угрызение совести давало знать, что она ещё жива. Но как жить-то с таким грехом на душе? Чем искупить свою вину? И возможно ли искупление, если ты стал причиной смерти человека? Ответов на мучившие вопросы Рут не находила.

* * *

... – *Поплачь, поплачь, детка. Слёзы смывают горечь. Войтека они не вернут, но душу облегчат.* – Раввин усадил Рут к столу. – Только знай, что долгими страданиями ты себе не поможешь, а вот здоровью навредишь. – Он снял с книжной полки фолиант в тёмно-бордовом переплёте и протянул его Рут. – Знаю, Тору ты изучаешь, а вот эту книгу вряд ли.

Рут утёрла слёзы и прочитала: «Тания. Ликутей аморим». Она наугад открыла страницу сборника, в котором собраны высказывания святых, мудрецов, учителей иудаизма, и стала вслух читать: «... все страсти – хвостовство, гнев и другие подобные чувства – коренятся в сердце...А место пребывания божественной души – мозг человека...».

– Понимаешь ли, Рут, – в нас две души, животная и божественная. И они постоянно соперничают между собой, – пояснил раввин. – Эмоции часто берут верх над разумом, и тогда мы не осознаём своей страсти, своего гнева, злобы, ненависти и совершаем поступки, за которые потом бывает стыдно.

– Так скажите, ребе, зачем же Творец поселил в нас животную душу?

– Чтобы испытать нас. Животная душа стремится покорить мозг, а божественная – сердце. Но когда животные чувства берут верх, мы совершаем грех.

– Я поняла, ребе... Но почему Войтек решил покончить с собой? Из-за меня?

– Я думаю, что его божественная душа не вынесла ни твоих переживаний, ни собственных. У него не было сил противостоять им. Потому и принял решение уйти из жизни. А тебе, девочка, надо продолжать свой земной путь и главное – вынести урок из случившегося. Он поможет тебе научиться любить.

«... Любить, любить, – твердила себе Рут, – кажется, это так просто. А на самом деле...». Она заглянула в кабинет отца, он что-то читал.

– Входи, дочь. Я как раз хотел тебе предложить кое-что. Вот купил книгу «Как любить детей» моего коллеги Януша Корчака. Думаю, это прекрасное пособие не только для врачей, учителей, родителей. Посмотри. Тебе это пригодится...

Ночь напролёт Рут читала книгу, а утром написала её автору письмо-исповедь. Наверное, не только для того, чтобы лучше понять себя и осознать случившееся. Она обращалась к человеку, умевшему по-настоящему любить, понимать, прощать. Это письмо было первым шагом на пути к самопознанию и познанию истинных ценностей.

Януш Корчак на письмо ответил. Их переписка длилась несколько лет, пока не прервала её война. Позже Рут узнала, что 5 сентября 1942 года воспитатели Дома Сирот и двести их учеников вместе с Корчаком под дулами автоматов прошли по улицам замёрзшей Варшавы к вагонам у Гданьского вокзала... Поезд отправлялся в лагерь смерти в Трешлине...

Умению так же беззаветно любить Рут училась до конца дней своих. Уже выйдя на пенсию, поступила в университет, на факультет психологии. Всегда помогала тем, кто приезжал жить на Землю Обетованную, жертвовала деньги на нужды солдат Армии обороны Израиля, на лечение больных детей и инвалидов.

Я вновь открыла книгу Януша Корчака с трогательной надписью некой Маргалит. С портрета, кажется, в самую душу проникал взгляд писателя, врача и педагога. В его глазах застыли боль, печаль и... любовь.

